

Николай Полевой

Краковский замок



Николай Алексеевич Полевой

Краковский замок

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=663615

*Предслава и Добрыня: Исторические повести русских романтиков :
Современник; М.: 1986*

Аннотация

«Видали ль вы море перед самым началом грозы и бури? Еще порывистый ветер не рыщет по волнам его, еще небо не обложено черными тучами, еще валы не вздымаются горами, свист, шум, рев не оглушают странника. Не настало еще это дивное, грозное явление, когда бешеное чадю земли рвется в раскаленные своды неба, падает, обессиленное, и снова летит к небу...»

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Николай Алексеевич Полевой Краковский замок ¹ *Быль*

* * *

Видали ль вы море перед самым началом грозы и бури? Еще порывистый ветер не рыщет по волнам его, еще небо не обложено черными тучами, еще валы не вздымаются горами, свист, шум, рев не оглушают странника. Не настало еще это дивное, грозное явление, когда бешеное чадое земли рвется в раскаленные своды неба, падает, обессиленное, и снова летит к небу. Но уже странник не чувствует томительной тишины, которая душит, кажется, океан и выдавливает его на берега; края небосклона обставлены уже воздушными, черными горами, верхи их крутятся дымчатыми полосами; солнца нет, море шевелится, как оживающий мертвец под белеющим саваном, и края покрывала его пенистыми бахромами хлещутся об утесы, и гул бури ноет в отдалении. Еще минута, и – горе ладье, не успевшей укрыться в пристань! Тогда, стоя на утесе, вы видите, что волны как будто разбе-

гаются врозь подле берегов, сыплются, дробятся. Они, как будто первенцы бури, летят и стремятся на все берега, как будто хотят прежде вылиться на берега, пока порывы бури не ринут их вглубь и не смешают в гибели и ужасах волнения.

Таковыми являлись Франция и французы, когда не грянула еще буря революции, когда Людовик XV изнемогшею рукою держал кормило государства, давно спал для славы и дремал над самою жизнью, утомленный и пятидесятилетним неславным царствованием, и мелочными интригами двора своего, и роскошью, и тем, что даже ни одно бедствие не освежило его жизни, тусклой и бесцветной. В кругу своих любовниц звал Людовик, оставляя министрам заботу о государственной чести, и оживал только для того, чтобы мешать в исполнении каждому из них: ссориться с парламентами за министров и сводить министров с мест их, потому что ветреной Дюбарри² они не нравились. Долее всех боролся с властью этой прихотливой красавицы герцог Шуазель³. Людовик так привык к нему, что, подписав увольнение герцогу, несколько дней носил увольнение это в кармане и не хотел послать к Шуазелю. Быль, которую хотим мы рассказать теперь, слу-

² *Дюбарри* Мария Жанна (1746—1793) – графиня, фаворитка короля Людовика XV; жила в замке близ Марли; во время Великой французской революции (1789—1794) гильотинирована за политические связи с эмигрантами.

³ *Герцог Шуазель* Этьен Франсуа (1719—1785) – французский министр иностранных дел, премьер-министр Франции (1758—1770); будучи посланником в Австрии, достиг союза с ней; упразднил во Франции орден иезуитов. Был свергнут с помощью интриг графиней Дюбарри (1770).

чилась после падения сего гордого, властолюбивого, хитрого и умного вельможи. Но события, которых следствием была она, относятся еще к правлению Шуазеля.

Он видел, что положение Франции вело к бедственной развязке: финансы государственные угрожались банкротством; народ беднял; правосудия не было – все продавалось, даже чины отдавались тому, кто платил больше. Говорят, что это и в других землях бывает, но во Франции сам король публично торговал чинами. Между тем двор роскошничал, вельможи шалили, ссорились; потомки Баярдов⁴ вынимали шпаги свои только для дуэлей; парламенты спорили с королем; народ роптал; Бастилия была набита, но – судите о странности обстоятельств – при самом дворе, тогда же, Бомарше⁵ рассеивал песни на короля и Дюбарри, смешивал всех уморительною тяжбою, дурачил комедиями: за него стояли горячие головы молодежи, и король молчал; молчал и после, когда Мирабо из Сен-Венсана⁶ писал свои пламенные пись-

⁴ ...потомки баярдов... – потомки идеальных рыцарей; Баярд Пьер дю Террайль (1472—1524), «рыцарь без страха и упрека», французский военачальник; прославился своими воинскими подвигами.

⁵ Бомарше Пьер Огюстен (1732—1799) – французский драматург, автор комедий «Севильский цирюльник» (1775), «Женитьба Фигаро» (1784).

⁶ Мирабо из Сен-Венсана... – Мирабо Оноре Габриель Рикети (1749—1791) – граф, деятель Великой французской революции. Приобрел славу обличителя абсолютизма; по мере развития стал сторонником конституционной монархии, лидером крупной буржуазии, а с 1790 г. – тайным агентом королевского двора. Упомянув Сен-Венсан (Венсенну), автор намекает на то, что в 1778—1780 гг. Мирабо был в строгом заключении в Венсенне из-за его связи с женой старого

ма. Яркая игра страстей кипела тогда во Франции; сильно сшибались старые и новые идеи. Старик Вольтер смеялся тихонько в своем Фернее⁷, кутаясь в соболью шубу, которую прислала ему Екатерина, а Шуазель? Что делал Шуазель?

Он думал, что слова: *все потеряно, кроме чести*, должны быть его девизом. Но честь Франции для него не заключалась в благоденствии народа; он не хотел, как Генрих IV, чтобы *у каждого француза была в воскресенье курица на столе*, нет! Со времен Людовика XIV французы почитали честью и счастьем народа шум побед, гул, отзывавшийся повсюду в блеске их, славе, великолепии, роскоши, рыцарской вежливости; головы их кружились только от этого, и – Шуазель, трепетавший сплетней сестры своей против Дюбарри, двигал дворами Англии, Франции, России, Пруссии, Турции; умел показывать Францию душою всей европейской политики. Барон Тотт укреплял Дарданеллы⁸; с Веною говорили о дружбе и женитьбе дофина; с Петербургом хитрили; в Англию готовили высадку. Везде Шуазель извивался змеем; его

маркиза де Моннье.

⁷ *Старик Вольтер смеялся тихонько в своем Фернее...* – Вольтер (настоящее имя: Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778), французский писатель и философ-просветитель; отличался едким остроумием и сатирическим складом ума; сыграл огромную роль в подготовке Великой французской революции; с 1758 г. жил в своем имении Ферне на границе Франции и Швейцарии.

⁸ *Барон Тотт укреплял Дарданеллы...* – будучи французским консулом в Крыму, Тотт неизменно помогал туркам против русских; одной из задач Тотта было укрепление Дарданелл; дабы испросить субсидий для исполнения этой задачи, он обрисовал укрепления этих мест в самом жалком виде.

агенты были всюду; молодые французы скакали по его приказу в Америку, в Испанию, в Индию, с своими полуразвернувшимися для них самими идеями, своевољством, щегольством, ловкостью. Как переменялись после того все обстоятельства! На старых картах Европы вы найдете, что тогда между землями России, Пруссии, Австрии и Турции, было сильное государство, которого теперь уже нет: его называли *Королевством Польским*; впрочем, это было довольно странное королевство. Народ избирал сам себе короля и не слушал его, давал ему власть и спорил с ним; назывался вольным и имел рабов. Но мы не историю пишем. Теперь вы знаете главные обстоятельства дел тогдашних, без этого была бы непонятна. Начнем ее.

В Кракове, древней столице королей польских, у богатого воеводы – имени его не скажем – съезжалось множество гостей. Великолепные, раззолоченные кареты с шумом катились к огромному подъезду; богато убранные гайдуки⁹, скороходы, гусары толпились на дворе и по улице; золотом облитые слуги стояли на лестнице и в передних; огромные залы, улица, сад горели в разноцветных огнях; множество гостей наполняло уже дом воеводы. Тут было на что заглядеться: воевода давал великолепный маскарад.

Вкус, роскошь, изысканность убранства и угощения могли удивить разнообразие гостей. Тут были польские паны, и

⁹ *Гайдук* – здесь: служитель у вельмож при выезде в карете, занимавший место сзади (на запятках).

старого и нового времени: одни в своем народном костюме, в бархатных кунтушах¹⁰, цветных сапогах, алых, зеленых кафтанах, с богатыми кушаками; другие в щегольских французских кафтанах, пестрых, обтянутых, с брильянтовыми пуговицами; третьи в гусарских и уланских мундирах, с золотыми и жемчужными кистями. Вместе с этою старою и новою Польшею мешались русские офицеры, в армейских, совсем не щегольских мундирах, и казацкие начальники, с нерасчесанными бородами. Были еще гости: офицеры французские и французские щеголи, распысканные парижскими духами. Душу всего составляли польки, милые, бесценные польки. Они согласились между собою одеться в маскарад к воеводе в народный польский костюм: кто видал польские народные костюмы, тот знает, каково сердцу от этой бедовой одежды!

Казалось, что все дышало весельем, забвением настоящего. Музыка гремела; менуэты сменялись мазурками, краковьяками: тогда еще не знали вальсов и котильонов. В огромной зале ловкие молодые поляки летали в мазурках, стучали шпорами; в менуэтах отличались французы; шум, говор был повсюду. В других комнатах сидели по углам старые поляки; они мало говорили, жали только друг другу руки, чокаясь кубками с венгерским, разглаживали длинные свои усы и искоса посматривали на русских офицеров, большею частию бездействовавших, не умевших разделить ни живости поляков в мазурках, ни ловкости французов в ме-

¹⁰ *Кунтуш* — см. КОММЕНТ. к с. 278.

нуэтах. Вообще было заметно, что какая-то неприязнь разделяла русского с поляком: русские казались отчужденными от других гостей. Но они как будто не смотрели на это и ходили горделиво. Зачем и как явились в Кракове и в маскераде воеводы эти гости? Званные ли гости были они?

Вскоре должен был ударить час первого деления Польши. Мощная рука русской царицы уже очертила тогда в русскую границу обширные страны Литвы и назначила доли Пруссии и Австрии. Екатерина умела запутать политику Польши лучше гордиева узла и знала, что в Европе не было Александра, меч которого разрубил бы узел этот. Когда король Август¹¹ скончался, полякам велели выбрать Понятовского¹², и их горделивое: *не позволял!* не помогло. Поляки восставали, спорили на сеймах: им велели молчать; они не послушались, забунтовали, составили конфедерации: умели перессорить их, заставили драться друг с другом; этого мало: явился Суворов¹³, шагал по семьсот верст в десять дней, бил везде, являлся, где его не ждали, побеждал и руками и ногами солдатскими и, учредив главную квартиру в Люблине, держался одною рукою за Сендомир, другою за Краков, расставив

¹¹ *Король Август* (1696—1763) – имеется в виду Август III Фридрих, король польский и курфюрст саксонский (с 1733 г.).

¹² ...*полякам велели выбрать Понятовского...* – 16 августа 1764 г. ставленник России Станислав Август Понятовский (1732—1798) был избран сеймом на польский престол.

¹³ *Суворов* Александр Васильевич (1730—1800) – выдающийся, всемирно известный полководец, генералиссимус; генерал-майор с 1770 г.

повсюду войска. На твердых Краковского замка веялось русское знамя. Тогда все было кончено для поляков. Битва при Сталовичах, где погибли силы Огинского и черные гусары Коссаковского, показала полякам, что им позволяют сколько угодно говорить, веселиться, но что они не должны мешаться в дела. Приказы Бибикова из Варшавы подчиняли Польшу надзору русских. Вот почему косились польские паны на русских офицеров и молча запивали досаду свою венгерским; вот почему и русские офицеры горделиво расхаживали в краковском маскараде.

Но как и зачем попали туда французы, французские офицеры? Где ж нет французов, всемирного народа, говорящего всемирным языком, который стараются выдумать ученые, не замечая, что он давно существует? Офицеры французские пришли в Польшу по воле Шуазеля; он смотрел на Польшу, как на одно из средств, могущих остановить исполинское увеличение сил России, и когда барон Тотт лил пушки в Стамбуле и расставлял их на Босфоре и Дарданеллах, в Польшу поскакало французское юношество, молодой, пламенный народ. Мысль Шуазеля была смелая и счастливая. Он видел, что Польша, сознавая свои силы, могла бы обновить век Собиеского¹⁴, и думал, что надобно только вырубить туда несколько искр, которые соединили бы готовые матери-

¹⁴ ...обновить век Собиеского... (1624—1696) – речь идет о времени царствования польского короля Яна III (Собеского), при котором положение Польши упрочилось: в 1686 г. был заключен «вечный мир» с Россией; борьба с турецкой агрессией была успешной, турки были разбиты под Веной (1683).

алы в сильном огне. Кто лучше молодых, пламенных французов мог воспламенить эту землю рыцарей и красавиц? Поход в Польшу казался юношам французским крестовым походом; война в диких сарматских лесах, среди снегов Литвы, являлась чем-то поэтическим. Поляки с восторгом встретили гостей: старые паны пили с ними, польки танцевали, молодые поляки дружились и братски, рука в руку, пускались в поиски на русских, и рубились на отличие друг перед другом. Но никто не знал, за что и как сражаться. Шли на битву, как на пир, гарцевали, щеголяли, и – от горсти русских бежали блестящие войска Пулавских, Новицких, Коссаковских¹⁵ и союзников их! Екатерина смеялась замыслам Шуазеля: она хорошо знала состояние Польши, так хорошо, что не хотела даже сердиться на французов; шутя писала обо всем этом к Вольтеру и объявила, что она не имеет войны с Францией. Французы были пришельцы, вольница, по словам Шуазеля, и их считали гостями и конфедераты, и королевские поляки. Беспечность, веселость делали их притом всюду гостями любимыми. Среди блестящего маскарада краковского заметнее других был молодой французский полковник. Лицо его не отличалось ни красотой, ни выразительностью, но кто рассматривал его, тот на лице юноши, закаленном в зное полуденных стран, замечал многое. Все доказывало в нем че-

¹⁵ *Пулавские, Новицкие, Коссаковские* – руководители польских конфедератов – национально-патриотической партии (XVIII—XIX вв.), стремящейся к восстановлению государственной целостности Польши.

ловека, готового, но еще не вызванного на сильные страсти. Это был – *Дюмурье*¹⁶: вы знаете это имя? Восемнадцать лет он был уже в рядах воинских, потом странствовал по Испании, Португалии; душа его искала новых впечатлений в отчизне Руссо и среди диких скал Корсики. Тридцать лет едва совершилось ему, как Шуазель отправил его в Польшу. Здесь сражался он уже два года с хитростью австрийской дипломатики, с умом Екатерины, воинским гением Суворова, дикой волею поляков, везде был побеждаем и еще не терял надежды. Но теперь, среди веселья и шумной радости, Дюмурье казался так мрачен, так задумчив, что люди, знавшие его, дивились этому и не понимали причины. Он весело хаживал в бой, когда ничто не могло уверить его в победе. Теперь, на веселом пиру, сложив руки, устремив неподвижные глаза на пестрые толпы гостей воеводы, Дюмурье сидел в углу и молчал. Важные думы, казалось, затемняли его всегда светлый взор. Он встал наконец, тихими шагами прошел через все залы, на садовую террасу, сошел по ней и тихо направил шаги свои по большой садовой аллее.

Но он не успел дойти до конца аллеи, как с ним встретился молодой французский офицер: это был полковник Шуази. В беспорядке, со всеми признаками досады Шуази шел не глядя вперед и столкнулся с Дюмурье.

¹⁶ *Дюмурье* Шарль Франсуа (1739—1823) – французский полковник, прибыл к конфедератам в качестве военного инструктора; позже – генерал; в 1792 – министр иностранных дел республиканской Франции. В 1793 изменил революции и бежал к австрийцам; умер в Англии.

– Ты с ума сошел, Шуази, – сказал ему Дюмурье, усмехаясь, – толкаешь и не извиняешься.

– Прости меня, Дюмурье, – отвечал Шуази с досадою. – Но если бы тут стоял русский солдат с штыком, я наткнулся бы на него: я сам не вижу, куда бегу!..

– Скажи лучше: не знаешь, *от чего* бежишь.

– В моем словаре нет таких слов. Я ни от кого не бегал в жизнь мою.

– Что с тобою случилось?

– Ты не поймешь меня!

– Говори.

– Что сказать тебе? Я скрываюсь от самого себя.

Дюмурье усмехнулся опять. Он взял Шуази за руку и сказал ему дружески:

– Я *понимаю* тебя.

– Стыжусь, если понимаешь! – вскричал Шуази.

– Вижу ясно: потомок французских рыцарей не забывает, что любовь и шпага были всегда девизом отцов его.

– Так! – вскричал Шуази. – И могу ли не беситься, что шпаге моей нечего делать здесь, а сердцу работа бесконечная.

– Не голове ли, скажи лучше?

– Нет, нет! Только при дворе нашего Людовика любят головою и думают сердцем, а здесь...

– А здесь любят сердцем, а головою хотят пробить стену, не давая ей труда рассуждать о чем-нибудь?

– Рассудительный Дюмурье принимает на себя труд думать за всех нас, – сказал Шуази с досадою.

– Рассудительный Дюмурье предоставляет этот труд вашему Виоменилю и завтра же удалится, отдавая вам и союзникам вашим полную свободу.

– Что ты говоришь?

– Ничего, я получил повеление короля и – отправлюсь в Швецию; Виомениль примет на себя все мои здешние заботы.

– Слава богу! – вскричал Шуази. – Слава богу! Дюмурье! Расстанемся ж друзьями: я не узнавал, разлюбил тебя с самого приезда в Польшу. Ты ли тот Дюмурье, с которым мы некогда сражались рядом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.